

**Муниципальное казенное учреждение
«Вырицкий библиотечный информационный комплекс»**

Вырицкая поселковая библиотека имени И.А.Ефремова

**ЕФРЕМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ВОСЕМНАДЦАТЫЕ,
ТРЕТЬИ МАЛЫЕ**

сборник материалов межрегиональных научных исследовательских конференций

Санкт-Петербург

Издательство «ЛЕМА»

2015

ББК 83

УДК 8P2

Е92

*Издание сборника статей осуществляется
в рамках «Года Литературы»*

Составитель Давыдова Н.П.

Е92

ЕФРЕМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ВОСЕМНАДЦАТЫЕ, ТРЕТЬИ МАЛЫЕ: сборник материалов межрегиональных научных исследовательских конференций /сост.Н.П.Давыдова; вступ.ст.Е.Сунайт. – Спб.: ЛЕМА, 2015. – 135 с.

ISBN 978-5-98709-978-0

В сборник включены материалы восемнадцатых Ефремовских чтений 2015 года на тему «Город прошлого и будущего. Преобразование окружающей среды для жизни человека в произведениях И.Ефремова» и материалы конференции старшеклассников «Ефремовские малые чтения : Метапредметный взгляд на мир. Опыт»

Сборник адресован почитателям творчества И.А.Ефремова, студентам, преподавателям, исследователям творческого наследия писателя

ББК 83.3(2Рос+Рус)6

ISBN 978-5-98709-978-0

© Коллектив авторов, 2015

© Вырицкая поселковая библиотека
имени И.А.Ефремова, 2015

© ООО "Издательство "ЛЕМА", 2015

Французов С.А.

Санкт-Петербург

Востоковедный Петроград–Ленинград в романе Ивана Ефремова «Лезвие бритвы»

Роман Ивана Ефремова «Лезвие бритвы» открывается прологом, в своей основе несомненно автобиографическим, в котором отражены впечатления от посещения восьмилетним мальчиком Ваней в разгар Первой Мировой войны выставки произведений искусства, выполненных из уральских поделочных камней:

«5 марта 1916 года в Петрограде, на Морской, открылась выставка известного художника и ювелира, собирателя самоцветных сокровищ Урала Алексея Козьмича Денисова-Уральского» (Ефремов 1993, 4, с. 6).

Речь здесь идет о реальной личности – выдающемся русском предпринимателе, чья контора, в стенах которой проходила выставка, находилась в сохранившемся по сей день доме 27 по Морской улице^[1].

Среди посетителей выставки упоминается «известный геолог Анерт» (Ефремов 1993, 4, с. 8). Из его беседы с вымышленным персонажем, молодым горным инженером Максимилианом Федоровичем Иверневым, о покупке подвески из четырех небольших неизвестных науке самоцветов сероватого оттенка, вокруг которых построен сюжет романа, читатель узнает интересные подробности об Эдуарде Эдуардовиче Анерте: он имел чин действительного статского советника (соответствовавшего по «Табели о рангах» генерал-майору) и проживал «на Троицкой, 23» (Ефремов 1993, 4, с. 11). И уж совсем интригующей представляется заключительная реплика, которой он завершил разговор с Иверневым:

«– Нет, я уж пойду. Мне надо в Общество русских ориенталистов, тут по

соседству, на Морской, – откланялся Анерт» (Ефремов 1993, 4, с. 12).

Данные по Э.Э. Анерту точны, в чем легко убедиться, обратившись к адресной книге: «Анерт Нина Сим. ж[ена] дсс. Троицкая 23. Т. 49227. – Эд. Эд. горн. инж. дсс. Троицкая 23. Т. 49227. Геолог. ком.» (Весь Петроград, 1916. Алфавитный указатель жителей города Петрограда..., с. 22, слб. 3)[\[2\]](#). Более того, в аналогичном справочнике за предшествующий, 1915, год этот выдающийся представитель отечественной геологии обозначен как «сс.», т.е. «статский советник» (Весь Петроград, 1915. Алфавитный указатель жителей города Петрограда..., с. 21, слб. 1). Следовательно, получение им очередного чина произошло в течение нескольких месяцев (максимум – года) перед открытием описанной Иваном Ефремовым выставки.

Откуда у И.А. Ефремова были столько детальные сведения об этом человеке? Не из справочников же... Дело в том, что Э.Э. Анерт был соседом Ефремовых. Сохранившийся до наших дней дом 23 по Троицкой улице был построен в 1911–1912 гг. по проекту архитектора А.А. Барышникова на паях несколькими купцами[\[3\]](#), одним из которых был предприниматель из Вырицы Антип (Антон) Харitonович Ефремов, отец писателя[\[4\]](#). В этом же доме находилась и его собственная квартира (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 14).

Анерт – не единственный знакомый Ефремовых, о котором говорится в прологе к «Лезвию бритвы». Как покупатель уникальной подвески там упомянут князь Витгенштейн (Ефремов 1993, 4, с. 12–13). Иван Ефремов несомненно имел в виду хозяина вырицких земель Генриха Федоровича Витгенштейна, правнука прославленного генерал-фельдмаршала, преградившего Наполеону путь на столицу империи. У него Антип Ефремов на заре своей предпринимательской карьеры арендовал лесопилку и затем долгие годы плодотворно сотрудничал с ним, в том числе на ниве благотворительности (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 11, 13, 15).

И все же странно, что восьми лет от роду Ваня Ефремов запомнил не только фамилию и внешность соседа, но и его чин, причем не военный (что для

мальчика вполне объяснимо), а штатский! А Общество русских востоковедов? Каким образом в столь юном возрасте будущий палеонтолог и писатель сохранил в памяти название этого ученого общества, а, главное, то, что геолог Анерт вел с ним некие дела? Может быть, Ивану Антоновичу доводилось встречаться с Эдуардом Эдуардовичем или переписываться с ним позднее, уже в советский период? Ведь их обоих связывал профессиональный интерес к геологии.

Основные вехи биографии Э.Э. Анерта^[5] показывают, что масштаб этой личности сродни ефремовскому. Он родился 13/25 июня 1865 г. в Новогеоргиевской крепости Полоцкой губернии в семье потомственного военного лютеранского вероисповедания из русских немцев (Ahnert) и в 1883 г., пройдя полный курс обучения в Александровском корпусе (3-й военной гимназии), поступил в Горный институт, где слушал лекции А.П. Карпинского (1846/1847–1936) и др. выдающихся геологов того времени. По окончании этого заведения в мае 1889 г. был зачислен по Главному горному управлению и работал в разных регионах России: в 1890–1892 гг. управлял заводом оgneупорных камней и шихты на Мальцевских заводах Брянской губернии, в 1893 г. вел разведку на каменный уголь в западной части Донецкого бассейна, в 1893-1894 гг. служил в должности лаборанта химической лаборатории Министерства финансов в С.-Петербурге. 1 марта 1895 г. он впервые попадает на Дальний Восток в качестве старшего инженера по горно-геологическим изысканиям по трассе будущей Амурской железной дороги. Летом 1896 г. состоялось его первое знакомство с Маньчжурией, где он оказался штатным геологом в составе экспедиции Русского географического общества вместе с ботаником В.Л. Комаровым (1869–1945), которому суждено было стать в 1936 г. вторым президентом АН СССР (после А.П. Карпинского). Зиму 1896–1897 гг. Анерт провел в г. Гирине, откуда совершил поездки в Тяньцзинь, Шанхай и Нагасаки, в 1898 г. подготовил ряд статей, докладов и отчетов по экспедиции, а весной 1899 г. в Харбине представил главному инженеру КВЖД доклад о

результатах разведки полезных ископаемых в Маньчжурии. Оставшуюся часть 1899 г. он посвятил кругосветному путешествию из Маньчжурии в Европейскую Россию (через Японию, Гавайи, Северную Америку, Францию, Швейцарию, Германию). В том же году Анерт был награжден Русским географическим обществом серебряной медалью Н.М. Пржевальского[6], в 1900–1914 гг. служил начальником партии по горно-геологическим исследованиям в золотопромышленных районах Сибири. В 1913 г. состоялось его избрание старшим геологом Геологического комитета (Геолкома), имевшим тот же статус, что и ординарный профессор университета, и назначение заведующим его Дальневосточной секцией. В 1913–1917 гг. Э.Э. Анерт являлся экспертом комиссии Государственной Думы по строительству порта на Сахалине, комиссии Минфина по новым проектам железных дорог, а также членом комиссии Академии наук по изучению производительных сил России, где давал экспертные оценки месторождений от Урала и Алтая до Южного Приморья. В 1915 – середине 1917 гг. он читал лекции по экономической географии, геологии и ресурсам недр России и Маньчжурии на специальных Гардемаринских (морских) курсах. В мае 1918 г. Анерт отправился в командировку в Сибирь на летние геологические исследования и никогда больше в Петроград не вернулся. В 1918–1919 гг. он занимал должность директора Горного департамента Министерства торговли и промышленности Омского правительства, а с 1920 г. возглавлял созданный им Геолком Дальнего Востока. Немногим более, чем через полтора года после присоединения буферной Дальневосточной республики к РСФСР, 1 июня 1924 г., из-за конфликта с руководством Геолкома ВСНХ Анерт ушел с этого поста, оставаясь до 1929 г. внештатным сотрудником Дальневосточного отделения Геолкома в Харбине. С этого времени основная деятельность Анерта концентрируется в Северной Маньчжурии. В ответ на требование вернуться в СССР Анерт направил 4 июля 1929 г. в Геолком ВСНХ письмо с официальным отказом это сделать из-за гонений на интеллигенцию и, оказавшись в незавидном положении апатрида, в сентябре 1930 г. принял гражданство Германии, где у

него были родственники, не подозревая, что менее чем через два с половиной года в его новом отечестве придет к власти Гитлер. В середине 1920-х – середине 1940-х гг. он работает геологом-консультантом КВЖД, Мулинского углепромышленного товарищества, Торгового дома наследников Л.Ш. Скидельского, Континентального НИИ и его Харбинского отделения, советником Южно-Маньчжурской железной дороги, участвует в составлении многоязычных словарей горной и геологической терминологии. В августе 1931 г. Анерт оказался одним из руководителей «Кусянтуньских раскопок»[\[7\]](#), которые вызвали самый живой интерес палеонтологов всего мира к Харбину и, разумеется, не прошли мимо внимания И.А. Ефремова.

Слухи о том, что Анерт был агентом трех разведок (советской, японской и германской) имеют под собой не больше оснований, чем якобы разрабатывавшееся в КГБ агентурное дело, согласно которому «Ефремов – не Ефремов, а английский шпион, которого подменили в Монголии» (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 598). Впрочем, от сотрудничества с японцами на территории созданного ими марионеточного государства Маньчжукоу-го было никуда не деться, да и германское гражданство налагало определенные обязательства. Анерт читал лекции по геологии и горным ресурсам Маньчжурии учителям в Харбине в 1924–1936 гг., в университетах Токио и Осаки в 1933 г., а также специальный курс «Маньчжуроведение», подготовленный по-русски и по-немецки, молодым специалистам, готовящимся к административной деятельности, в институте Да-тун в Синьцзяне в 1935–1936 учебном году. В 1937 г. он был избран членом-корреспондентом Германской Академии наук в Мюнхене, а в 1939 г. – членом VI Тихоокеанского научного конгресса, проходившего в Сан-Франциско. В том же году прошли юбилейные торжества, посвященные 50-летию его научной деятельности.

После разгрома «держав оси» Анерт принял непростое для себя решение вернуть утраченное им советское гражданство и 17 декабря 1945 г. обратился с соответствующим заявлением на имя генерального консула СССР в Харбине[\[8\]](#).

В дальнейшем его следы теряются: остается неизвестным, какой ответ он получил на свое обращение. Лишь 9 сентября 1958 г. генеральный консул в Харбине Г.С. Трефилов сообщил, что согласно свидетельским показаниям Э.Э. Анерт скончался в этом городе 25 декабря 1946 г. и передал личный архив ученого в Архив внешней политики МИД СССР, откуда в 1987 г. он поступил на хранение в Российский государственный архив экономики (фонд 732)[\[9\]](#).

Где и когда могла состояться личная встреча повзрослевшего Ивана Ефремова и Эдуарда Анерта? Весной 1924 г. по совету капитана Лухманова И.А. Ефремов «буквально на последние рубли отправился на Дальний Восток» и оказался во Владивостоке, где в мае ему «удалось устроиться старшим матросом на кавасаки – парусно-моторное судно “III-й Интернационал”» (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 62, 63). Анерт же оставался во Владивостоке до своего выхода в отставку с поста главы Геолкома Дальнего Востока 1 июня 1924 г., так что судьба вполне могла свести его со знакомым ему с детства Ваней Ефремовым в этом портовом городе. Но почему в таком случае Иван Антонович вспомнил об Анерте спустя почти сорок лет и сделал его знаковой фигурой, открывающей полное тайн и приключений захватывающее повествование, предназначенное для юношества? И при чем тут Общество русских ориенталистов?

Эта общественная организация, объединявшая в своих рядах преимущественно востоковедов-практиков, существовала в двух «ипостасях»: харбинской и петербуржской. 12 июня 1908 г. в Пекине группа выпускников факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета и Владивостокского Восточного института, насчитывавшая около 80 человек, провела собрание, на котором был принят проект создания «Союза ориенталистов на Дальнем Востоке», не получивший дальнейшего развития из-за разногласий между инициаторами. 21 июня того же года в Харбине независимо от них пять местных восточников решили приступить к реализации аналогичной идеи, которую они вынашивали с 1906 г., и 24 января 1909 г.

администрацией этого города был утвержден устав Общества русских ориенталистов, основной задачей которого было признано «служение государственным интересам России на Азиатском Востоке» (Веревкин 1909, с. 274; Автономов 1926, с. 413). В июле 1909 г. вышел в свет № 1 «Вестника Азии» – печатный орган только что созданного общества, а на 1 января 1911 г. число его членов возросло до 125 человек^[10].

«Наряду с сим среди многочисленных ориенталистов в С.-Петербурге возникла мысль учредить подобное Общество, которое преследовало бы в своих целях объединение всех русских ориенталистов; изучение современного не только **Дальнего, но и Ближнего и Среднего** Востока в лингвистическом, филологическом, историческом, общественно-политическом, экономическом и прочих отношениях; ознакомление русского общества со странами и народами **всего** Востока и распространение среди последних правильных и точных сведений о России; и, содействие сближению России с народами Востока на почве взаимных интересов, вытекающих из культурного взаимообщения с ними» (Отчет ОРО, 1910, с. 3–4). На собрании ориенталистов, состоявшемся 14 ноября 1909 г. в помещении Русского географического общества, председателем Общества русских ориенталистов был избран вице-директор Первого Департамента МИД В.О. фон Клемм и подписан проект устава Общества, утвержденный 12 января 1910 г. С.-Петербургским Градоначальством, после чего оно было внесено в реестр обществ города (Отчет ОРО, 1910, с. 4–5).

Вопрос об объединении двух одноименных обществ сразу же был поставлен на повестку дня, и хотя, согласно отчету Общества русских ориенталистов в С.-Петербурге за следующий год, слияние с ним Харбинского Общества состоялось 4 ноября 1911 г. (Отчет ОРО, 1911, с. 8–13), фактически этого не произошло, возможно, из-за позиции петербуржцев, отводивших харбинцам роль отдела при центральном Обществе. «Вопрос признавался невы решенным окончательно, и на сколько в нем не было ясности, видно из

того, что еще в 1916 году С.-Петербургское ОРО запрашивало местное ОРО, признает ли оно слияние состоявшимся. Вопрос снова стал обсуждаться, намечались формы его разрешения, но наступила революция, и снова этому вопросу не суждено было получить своего окончания» (Автономов 1926, с. 447).

Хотя Э.Э. Анерт был связан с Харбином с конца XIX в., в прологе к «Лезвию бритвы» речь идет, конечно же, об Обществе русских ориенталистов в С.-Петербурге. Со времени основания Общества его канцелярия действительно располагалась по соседству с конторой А.К. Денисова-Уральского, на той же Морской улице, только в доме 20, в квартире 3, которую занимал выдающийся русский иранист, член-корреспондент Императорской Академии наук, начальник Учебного отделения восточных языков МИД, профессор Валентин Алексеевич Жуковский (1858–1918) вместе со своим сыном Сергеем, сотрудником Первого Департамента МИД и секретарем Общества (1883–1966)[\[11\]](#) (Весь Петербург, 1911. Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга..., с. 317, стлб. 2-3; Весь Петербург, 1911, Прибавл., с. 10, стлб. 2; Весь Петроград, 1916. Отдел I. Установления Центрального и местного управлений с подведомственными им учреждениями, стлб. 834).

Что же связывало Анерта с Обществом русских ориенталистов? В списках его членов ни в столице, ни в Харбине он не значится[\[12\]](#), да и не мог он в нем состоять, не будучи профессиональным востоковедом. Однако круг интересов этого ученого (как и Ивана Ефремова) был куда шире узко специальных тем, связанных с горным делом и геологией. Так, в марте 1911 г. Анерт пожертвовал Этнографическому отделу Русского музея собранную им китайско-маньчжурсскую коллекцию, в которую входили глиняные фигуры, модели построек, предметы одежды и обуви, головные уборы, музикальные инструменты, лубочные картинки и пр., часть которых, по-видимому, в 30-е гг. прошлого века была передана в Государственный Эрмитаж и Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) (Дмитриев 2012, с. 481–482).

Оказавшись в эмиграции в Харбине, Анерт активно участвовал в духовной жизни этой «Русской Атлантиды», поддерживая связи в том числе и с членами ОРО. 5 сентября 1934 г. в гимназии им. Ф.М. Достоевского вместе с другими видными представителями харбинской интеллектуальной элиты Э.Э. Анерт принял участие в особом организационном заседании по учреждению Русского комитета Пакта Рериха в Харбине. Из 17 участников этого знаменательного мероприятия, среди которых был приехавший 30 мая в Харбин сам Николай Константинович, в Обществе русских ориенталистов состояли, по меньшей мере, трое: генерал Н.Л. Гондатти, шталмейстер двора Его Императорского Величества, бывший приамурский генерал-губернатор (почетный член), а также Г.А. Софоклов и А.П. Хионин, в разное время занимавшие пост вице-председателя Общества^[13]. Интересно, что контакты Э.Э. Анерта с Н.К. Рерихом этим не ограничивались. За три месяца до учредительного заседания Пакта Рериха, в июне 1934 г., Николай Константинович вместе со своим сыном Юрием, известным востоковедом, прочел доклад о Гималаях в клубе естествознания и географии при Харбинском отделении Христианского союза молодых людей^[14]. На сохранившейся фотографии одесскую Н.К. Рериха сидит Э.Э. Анерт (Дубаев 2001, с. 103), бессменный председатель этого клуба в 1929–1944 гг. (Бельчик 2004, с. 177).

Сегодня очевидно, что И.А. Ефремов не был ни первым, ни «последним коммунистом», каким его попытался представить критик Всеволод Ревич в своем обзоре истории отечественной фантастики^[15], на наш взгляд, довольно поверхностном. Главная заслуга О.А. Ерёминой и Н.Н. Смирнова, подготовивших детальную биографию Ивана Ефремова, состоит в том, что они показали этого мыслителя как одного из крупнейших представителей русского космизма, последователя учения Живой Этики^[16]. Очевидно, что к моменту встречи с Ю.Н. Рерихом, возвратившимся из Индии на Родину в 1957 г., И.А. Ефремов действительно изучил «несколько томиков “Агни Йоги”» (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 407), причем судя по тому, что идеи этой доктрины

пронизывают «Туманность Андромеды», написанную в 1956 г., сделал он это до наступления хрущевской оттепели. А вот когда именно, биографам Ивана Ефремова, похоже, выяснить не удалось...

А что если именно Эдуард Эдуардович Анерт, чье духовная связь с Н.К. Рерихом, скорее всего, установилась задолго до приезда того в Харбин в 1934 г., уделявший силы и время работе с молодежью (наверняка не только в клубе естествознания и географии ХСМЛ) почти до самой кончины, оказался тем Человеком, кто *обратил* Ивана Ефремова? До конца 20-х гг. в Советском Союзе были еще не настолько «закручены гайки», чтобы молодой ученый не мог позволить себе вести переписку со знакомым с детства старшим коллегой, волею судеб обосновавшимся в Харбине. Увы, в 1937 г., опасаясь ареста, Ивана Антонович сжег свои дневники и письма (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 203), так что надежда отыскать подтверждение данной гипотезы в его личном архиве представляется довольно призрачной. И все же не случайно поставил он Эдуарда Анерта привратником у входа в созданный его воображением мир захватывающих дух событий, разворачивающихся вокруг загадочных серых камней...

* * *

С Востоком связан и заключительный эпизод романа «Лезвие бритвы», вынесенный в эпилог:

«Гирин и Сима перешли Третий Елагин мост и оказались на приморском проспекте, напротив бывшего буддийского храма.

Сима остановилась в восхищении. Массивный забор дикого камня ограждал небольшой сад с желтыми лиственницами и оголенными дубами. Массивное здание тибетской архитектуры из негладкого серого гранита с обрамленными черным лабрадоритом проемами окон и дверей. Красные, белые, зеленые и синие кафельные полосы чередовались на карнизе фронтона с рядами фарфоровых кружков. Позолоченные колокола, колесо и две антилопы на

крыше казались странным диссонансом в этом строгом изяществе формы и цвета.

– Здание пустое, смотри, Иван, – сказала Сима. – Вот и надо, чтобы его отдали под твою лабораторию!» (Ефремов 1993, 4, с. 651–652).

Читатели помнят, что Гирин с ходу отверг это предложение как «слишком роскошное начало», которое способно погубить «даже хорошие намерения», и предложил в этом здании «создать институт обмена безумными, как выражаются физики, идеями», «новыми предвидениями на грани вероятного, научными фантазиями и недоказанными гипотезами», «чтобы здесь встречались, черпая друг у друга вдохновение, самые различные отрасли науки, писатели – популяризаторы и фантасты», «и, уж конечно, молодежь» (Ефремов 1993, 4, с. 652). Нужно ли объяснять, что в поздней советской действительности, все больше напоминавшей общество планеты Торманс из «Часа Быка», такое предложение не могло быть реализовано...

Интересно, что здание Буддийского храма, точнее Дацана Гунзэчойнэй, знакомое многим петербуржцам, оказалось связано с историей того учреждения, в котором автор этих строк трудится уже четверть века и которое на протяжении своей почти двухсотлетней истории сменило несколько названий: Азиатский музей, Институт востоковедения, Ленинградское отделение, а затем Санкт-Петербургский филиал этого Института, Институт восточных рукописей.

Инициатором возведения буддийского храма в городе на Неве выступил видный буддийский религиозный деятель, бурятский лама Агван Лобсан Доржиев (1853/1854–1938)[\[17\]](#), который в 19-м возрасте покинул родное Забайкалье и отправился в Тибет, где в 1888 г. получил высшую богословскую степень «лхарампа» и стал одним из наставников («цаннид-хамбо») юного Далай-ламы XIII Тубтэна Гьяцо (1876–1933). Вскоре при дворе теократического правителя Тибета он создал русофильскую политическую группировку и в 1905 г. после переселения в Россию обосновался в С.-Петербург в качестве

официального представителя Далай-ламы. В 1906 г. он добился от Николая II принципиального согласия на возведение в столице империи буддийского храма а 16 марта 1909 г. приобрел для этого на северной окраине Города, в Старой Деревне, участок земли. Возведение грандиозного сооружения по проекту архитектора Г.В. Барановского завершилось только в 1915 г., однако первое богослужение в нем состоялось 21 февраля 1913 г. по случаю празднования трехсотлетия Дома Романовых. В конце 1916 г. из-за тягот, вызванных Первой Мировой войной, служба в храме прекратилась и возобновилась только в конце 20-х гг. Этому во многом способствовал Агван Доржиев, признанный еще осенью 1922 г. полпредом *de facto* независимого в ту пору Тибета. Ему удалось добиться для дацана статуса экстерриториальности, а для себя – дипломатического иммунитета, который, впрочем, не уберег его во время сталинских репрессий. Осенью 1936 г. престарелый Доржиев завещал все свое имущество, движимое и недвижимое, в состав которого входил и буддийский храм, своему племяннику Сандже Дылыкову, аспиранту Института востоковедения АН СССР, который после ареста всех лам, служивших в дацане, весной–осенью 1937 г. и гибели дяди 20 января 1938 г. во время допроса в Верхнеудинске (ныне – Улан-Удэ) вынужден был обратиться к властям с просьбой о муниципализации доставшегося ему здания храма и двух жилых домов при нем. Сначала в бывшем буддийском храме была размещена физкультурная база обкома профсоюза рабочих жилищного хозяйства, затем – радиолокационная станция Ленинградского фронта, которая во время блокады осуществляла связь осажденного города с большой землей, а после войны использовалась для глушения передач западных радиостанций.

Очевидно, на фоне общего духовного подъема, наступившего после Великой Победы, ведущие ленинградские востоковеды, заметное место среди которых всегда занимали монголоведы, по роду своей специальности тесно связанные с буддийским храмом, его священнослужителями и прихожанами, попытались добиться передачи его здания Институту востоковедения, дабы спасти этот

памятник архитектуры от неизбежного разрушения. Благодаря хранящимся в Архиве востоковедов при Институте восточных рукописей РАН документам мы можем воссоздать в деталях ход соответствующих событий. Отправной точкой для них послужила служебная записка академика Сергея Андреевича Козина (1879–1956), одного из крупнейших отечественных монголоведов, переводчика «Сокровенного сказания», директору ИВ АН СССР, академику Василию Васильевичу Струве (1889–1965), основателю советской школы историков Древнего Востока[18]:

«Директору Института востоковедения /

Академику В.В. Струве /

В Старой Деревне находится буддийский храм с жилыми домами / при нем, построенный в 1908 году на средства монголов, бурят-мон- / голов, калмыков и тибетцев покойным хамбо-лама (sic – С.Ф.) Дорджеевым (sic; вместо «Доржиевым» – С.Ф.), буря- / том по происхождению. /

Так как этот храм и усадьба могут послужить прекрасной ба- / зой для организации при Институте Востоковедения музея и курсов / по монголоведению, я полагал бы необходимым возбудить перед / обл. исполкомом ходатайство о передаче означенного имущества / в распоряжение Института Востоковедения /

Академик С.А. Козин /

20/X 46 г. //» (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 2; см. илл. 1).

6 января 1947 г. последовало соответствующее обращение академика В.В. Струве к уполномоченному по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Ленинграду и Ленинградской области Н.М. Васильеву, на которое 7 апреля 1947 г. был дан положительный ответ: уполномоченный, со своей стороны, не возражал против того, чтобы бывший храм перешел Институту, но указывал, что «для разрешения вопроса передачи указанных помещений институту (sic – С.Ф.) Востоковедения Академии наук СССР

необходимо обратиться в Исполнительный Комитет Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся», поскольку здание бывшего храма и жилые помещения при нем «в настоящее время заняты Ленинградским Управлением радиовещания» (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 1, 9).

18 января 1947 г. последовало куда более важное обращение по данному вопросу – в Президиум АН СССР – за подписью В.В. Струве (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 3, см. илл. 2а), к которому были приложены «Смета расходов по организации и содержанию Музея истории религии и быта монголов» (Там же, л. 4) и «Штатное расписание по Музею истории религии и быта монголов на 1947 г.», согласно которому, научный персонал музея должен был состоять из двух сотрудников: м.н.с. со степенью кандидата наук и м.н.с. без степени (Там же, л. 5; см. илл. 2б). Таким образом, академики подошли к проблеме по-деловому, а резолюция президента АН СССР С.И. Вавилова, сменившего на этом посту В.Л. Комарова, внушала определенный оптимизм:

«Акад. В.В. Струве /

Прошу предоставить / более детально мотивированную / записку, а также сведения о необходимом ремонте /

С. Вавилов /

18 I 47.» (см. илл. 2а).

Подробное, хорошо аргументированное обоснование ходатайства было направлено в Президиум АН СССР ровно через месяц – 18 февраля, причем его копии были одновременно отосланы НИИ культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР в Улан-Удэ, а также Комитету наук МНР (предшественнику Академии наук МНР) и Государственному университету МНР в Улан-Батор (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 6–7; см. илл. 3а, 3б) с соответствующими сопроводительными письмами (Там же, л. 8), что и в сталинском Советском Союзе, и в наши дни рассматривается как грубейшее нарушение субординации! Директор академического института ставил свое непосредственное начальство

в том случае, если бы оно отказалось удовлетворить его просьбу, в крайне неудобное положение перед иностранцами – руководителями академической и университетской науки дружественной Монголии, тем самым вынуждая его, во избежание скандала на межгосударственном уровне, согласиться на передачу бывшего буддийского храма ИВ АН СССР. Столь дерзкий демарш заставляет пересмотреть представление об академике В.В. Струве как о запуганном Советской властью конформисте, сложившееся во многом под влиянием его научного оппонента – крупнейшего отечественного ассириолога Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999), заметившего, в частности, что «Василий Васильевич был не так построен, чтобы спорить с членом ЦК»[\[19\]](#) (Дьяконов 1995, с. 736).

Ожидаемые положительные ответы, датированные 9 апреля, 14 июля и 19 сентября поступили из всех трех учреждений: бурятского и двух монгольских (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 10, 13, 17), причем письмо Монгольского государственного университета им. Чойбалсана подписал его ректор, Базарын Ширендыб (1912–2001), видный монгольский историк и государственный деятель (см. илл. 4), но переломить ситуацию в пользу отечественных востоковедов они, вопреки ожиданию, не смогли... Вульгарно-атеистическая парадигма, безраздельно господствовавшая в советской науке, заставляла с подозрением относиться ко всему, что хоть в какой-то степени было связано с религиозным культом. Поэтому ответ за подписью заместителя Управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеева, направленный академику В.В. Струве 11 апреля 1947 г., был, увы, вполне предсказуем: в нем сообщалось, «что по разъяснению соответствующих организаций вышеуказанное здание не может быть передано Академии Наук СССР» (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 11). Заключение Отделения истории и философии от 24 апреля 1947 г., адресованное Секретариату Президиума АН СССР, было более дипломатичным. В нем говорилось, «что для решения этого вопроса, прежде всего, надо выяснить, может ли быть предоставлен буддийский храм в

распоряжение Академии», и подчеркивалось, что «необходимо также считаться и с наличием в Ленинграде Музея истории религии, в котором представлены и коллекции из Монголии» (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 16). Однако наложенная на него резолюция вице-президента АН СССР В.П. Волгина (1879–1962), «специалиста» по истории утопического социализма, не оставила надежды на положительное разрешение вопроса о передачи храма Институту: «Считаю нецелесообразным организацию нового Музея по истории религии» (Там же). Она была доведена до сведения В.В. Струве в письме начальника Секретариата Президиума АН СССР В.П. Чаплиева от 7 мая 1947 г. (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 12). Казалось, в данном вопросе была поставлена точка, но 28 июля 1947 г., после получения официального письма от Б. Ширендыба, вице-президент АН СССР И.П. Бардин и и.о.академика-секретаря В.П. Никитин устроили выволочку почтенному академику, обвинив В.В. Струве в том, что его «преждевременное обращение к зарубежным научным организациям по неразрешенному Президиумом вопросу поставило Академию Наук СССР в весьма затруднительное положение перед научным организациями МНР» (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923, л. 14; см. илл. 5а) и «попросив» его (вернее, жестко ему предписав) «в дальнейшем по вопросам, требующим предварительного рассмотрения в Президиуме АН СССР и утверждения Советом Министров СССР или вызывающим известные обязательства со стороны Академии Наук СССР, при установлении связи с зарубежными учреждениями и организациями предварительно запрашивать мнение Президиума Академии Наук СССР» (Там же, л. 15; см. илл. 5б). Так очередное столкновение ученых и колоннаучных бюрократов, в котором уже немолодой В.В. Струве показал себя отважным защитником интересов своей корпорации, закончилось в пользу бюрократии.

В годы хрущевской оттепели, которую есть основания рассматривать как едва ли не самую свободную эпоху в многострадальной истории России, новое ходатайство ленинградских востоковедов, поддержанных Ю.Н. Рерихом, привело к тому, что весной 1960 г. служба радиоэлектронной борьбы ПВО

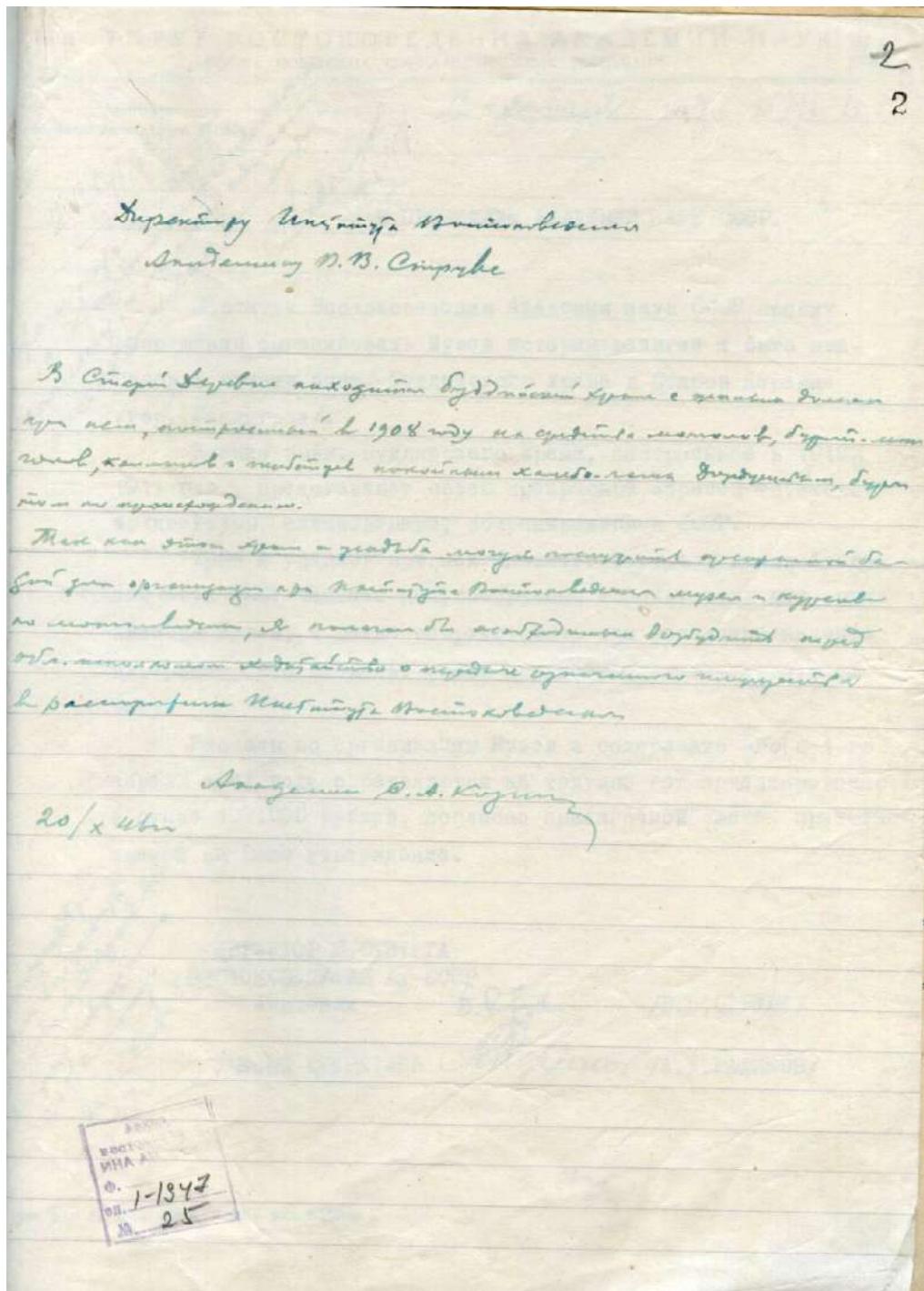
освободило здание бывшего буддийского храма, 9 июня Ленсовет передал его Академии наук на правах долгосрочной аренды, а 20 октября Ленинградское отделение Института народов Азии^[20] получило здание в свое распоряжение (Андреев 2012, с. 43). Однако заведующий ЛО ИВ АН СССР, академик Иосиф Абгарович Орбели (1987–1961) был не в восторге от этого решения. Времена изменились, и теперь храмы иногда возвращали верующим. Так, Ленинградская соборная мечеть была в 1956 г. передана татарской общине во многом благодаря тому, что лидеры стран третьего мира мусульманского вероисповедания стали посещать город на Неве в ходе официальных визитов. А ведь среди бывших колоний, с которыми у СССР установились дружественные отношения, были и государства с традиционным преобладанием буддизма, например, Бирма... По-видимому, такого рода размышления подвигли И.А. Орбели и его преемника Ю.А. Петросяна (1930–2011) на то, чтобы отказаться от бывшего буддийского храма, которого ЛО ИВ АН СССР могло в любой момент лишиться. Во всяком случае утверждение А.И. Андреева, согласно которому, «вскоре выяснилось, что здание совершенно непригодно для хранения в нем памятников тибетской письменности» (Андреев 2012, с. 43), не выдерживает критики. Несколько страницами ранее этот же исследователь сообщает о том, что во время разграбления храма в конце 1919 г. погромщики «варварски уничтожили храмовую библиотеку, состоявшую из книг на тибетском, монгольском, китайском и европейском языках» (Андреев 2012, с. 29). Получается, что прежде дацан был пригоден для хранения книг, а потом вдруг стал не пригоден...

14 июня 1962 г. Президиум АН СССР принял решение о том, чтобы передать здание буддийского храма Зоологическому институту, а 4 октября 1962 г. и.о.заведующего ЛО ИВ АН СССР Ю.А. Петросян подписал доверенность своему помощнику по административно-хозяйственной части П.Ф. Колесову, уполномочив его осуществить данную передачу (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 1578, л. 34). Помимо этой доверенности в Архиве востоковедов

хранится лишь два документа, относящихся к тому недолгому периоду в истории здания дацана, когда оно находилось в пользовании востоковедов. Речь идет о датированных тем же числом актах о передаче документации по зданию бывшего буддийского храма и о передаче самого здания (Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 1578, л. 31, 32–33). В первом из них, под п. 4, упомянуты «документы по зданию б. Буддийского храма, начатые с 19/X-60 г. в количестве 1 папка», которые пока не удалось обнаружить в ЗИН.

Так что, когда Гирин с Симой гуляли около здания дацана и обсуждали его возможную судьбу, она была уже решена почти на три десятилетия вперед, пока в разгар перестройки, 9 июля 1990 г., Ленгорисполком не передал его «для молитвенных целей» Ленинградскому обществу буддистов (Андреев 2012, с. 44) . Время, таким образом, подтвердило правоту И.А. Орбели, который, по всей вероятности, еще на рубеже 60-х гг. справедливо полагал, что храмы должны принадлежать верующим.

Список иллюстраций

Илл. 1. Служебная записка академика С.А. Козина академику В.В. Струве от 20.10.1946 г.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

3

Ленинград
Биржевая линия, 10/бз. 187-40

18 "январь 1947 № 196-6
Д. В. Струве
Монголия
занесена в список запрещенных а также сведений о монголах
о монголах в Старой Деревне
18.1.47.

В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Институт Востоковедения Академии наук СССР просит разрешения организовать Музей истории религии и быта монголов в здании бывш. Буддийского храма в Старой Деревне /гор. Ленинград/.

Здание бывш. Буддийского храма, построенное в 1910-1911 г.г., представляет собой прекрасный образец тибетской архитектуры, единственный, сохранившийся в СССР.

Храм и усадьбу при нем Институт Востоковедения Академии наук СССР считает целесообразным использовать для организации Музея, а также сосредоточить там различные научные материалы, что позволит вести научно-исследовательскую работу.

Расходы по организации Музея и содержание его с 1-го апреля 1947 года определяются на текущий год ориентировочно в сумме 107.000 рублей, согласно прилагаемой смете, представляемой на Ваше утверждение.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР
Академик

В. В. СТРУВЕ

/В. В. СТРУВЕ/

УЧЕБНЫЙ СЕКРЕТАРЬ А. Х. РАФИКОВ /А. Х. РАФИКОВ/

Тип. В-ки Ак. Наук СССР. З. 22 т. 5000 З-VIII-46 г.

Илл. 2а. Обращение Института востоковедения в Президиум АН СССР с просьбой разрешить организовать Музей истории религии и быта монголов в здании бывшего буддийского храма в Старой Деревне от 18.01.1947 г.

Ш Т А Т Н О Е Р А С П И С А Н И Е

по Музею истории религии и быта монголов.

на 1947 год.

№ пп	Наименование долж- ностей	Количест- во штатн. единиц	Должн. оклад	Сумма в месяц	Примеча- ние
---------	------------------------------	----------------------------------	-----------------	------------------	-----------------

1. научный персонал

1.	Младший научный со- трудник со степенью канд. 1		2000	2000	
2.	Младший научный со- трудник.....	1	1000	1000	
И т о г о:		2	3000	3000	

II. Административно-хозяйственный персонал.

1.	Завхоз.....	1	750	750	
----	-------------	---	-----	-----	--

III. Младший обслуживающий персонал

1.	Уборщица.....	1	300	300	
2.	Дворник.....	1	300	300	
И т о г о:		2	600		
				4350	

/Четыре тысячи трехста пятьдесят рублей/.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР
Академик

/В.В.СТРУВЕ/

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР

/А.С.ИВАНОВА/

Илл. 26. Штатное расписание по Музею истории религии и быта монголов на 1947 г. (проект)

18/11-ЧГ. 196-6

6

В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

- Копии:
1. Научно-Исследовательскому Институту Культуры и Экономики Б.-М.АССР.
  2. Комитету наук Монгольской народной Республики г. Улан-Батор.
  3. Государственному Университету Монгольской народной Республики г.Улан-Батор.

Институт Востоковедения Академии Наук СССР просит разрешения организовать Музей истории религии и быта монголов в здании бывшего буддийского храма (в Старой Деревне с г.Ленинграде).

1. Это здание было построено в 1910-1912 г.г. силами лучших русских архитекторов и художников по чертежам и рисункам, доставленным непосредственно из Тибета бывшим главою буддийского духовенства - хамбо-ламою А.Доржеевым. Кроме того, строители храма пользовались консультациями крупнейших знатоков буддизма - акад.С.Ф.Ольденбурга, акад.Ф.И.Шербатского, проф. В.Л.Котвича и др. Благодаря всем этим обстоятельствам, удалось создать прекрасный образец строго-выдержанной тибетской архитектуры, единственный не только в Европейской части СССР, но и во всей Европе. Таким образом, здание бывш.буддийского храма представляет собой весьма большую художественную, а также научную ценность и интерес.

2. Как внешний вид, так и внутреннее устройство этого здания в точности воспроизводят все особенности буддийского храма, ввиду чего оно является в высшей степени подходящим для размещения в нем многочисленных предметов буддийского культа, имеющихся в Музее истории религии, Музее Этнографии и Институте Востоковедения Академии наук СССР. Все эти предметы, будучи помещены в обстановку буддийского храма, соответствующую их характеру, в очень значительной степени "выигрывают" и будут давать вполне ясное представление об их культовых целях и назначении, чего они не могут дать, находясь в помещениях случайных и неприспособленных для их хранения и экспозиции.

3. Вместе с тем, в целом ряде пустующих в настоящее время комнат внутри самого храма может быть размещено очень большое количество буддийских материалов - ксилографов и отчасти рукописей - сочинений по буддийской философии, этике, вопросам культа и т.п. Несколько тысяч таких ксилографов и рукописей были доставлены в Институт Востоковедения из бывш. монастырей в Б.-М. АССР в 1938 г. и с тех

1-1962

пор расположены в коридорах Института Востоковедения, ввиду совершенного отсутствия помещений для их хранения. В настоящее время расположение всех этих материалов в неподходящих условиях делает невозможным даже первичную обработку их путем инвентаризации и составления краткого каталога. Будучи помещены в указанных выше пустующих комнатах бывш. буддийского храма, все эти материалы составят обширный фонд буддийской литературы, представляющий исключительную научную ценность.

4. Кроме того, жилищный фонд, имеющийся при бывш. буддийском храме и состоящий из двух жилых домов, представляется в высшей степени подходящим для проживания в нем не только научного и технического персонала музея, но также и лиц, которые имеют быть приглашены из Бурято-Монгольской АССР и Монгольской народной Республики в качестве специалистов для работы в Музее и библиотеке при нем.

5. Таким образом, организация Музея истории религии и быта монголов, имеющего очень большое научное и культурное значение, может быть осуществлена силами: 1). Института Востоковедения, 2) Института Этнографии, 3). Музея истории религии Академии наук СССР при консультациях со стороны научно-исследовательского Института Культуры и Экономики Б.-М.АССР, а также Комитета наук и Государственного Университета Монгольской народной Республики.

Прежде всего должны быть созданы музейные и библиотечные фонды, для чего потребуется перевозка и размещение этих фондов, экспозиция музейных об'ектов, обработка очень большого количества (нескольких тысяч) тибетских и монгольских ксилографов и рукописей и их инвентаризация, составление картотек, научных каталогов и т.п. Вся эта работа является весьма трудоемкой и потребует для ее выполнения не менее 2-3 лет, в течение которых Музей остается закрытым.

В дальнейшем намечается открытие экспозиций Музея и одновременно развитие научно-исследовательской работы по изучению истории религии и быта монголов при участии соответствующих специалистов из Бурято-Монгольской АССР и Монгольской народной Республики.

6. Что же касается смет на ремонт и содержание здания бывш. буддийского храма и двух жилых домов при нем, то авторитетное суждение по этим вопросам может быть представлено со стороны ЛАХУ АН СССР.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР
Академик

/В.В.СТРУБЕ/

УЧЕБНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

/А.Х.РАФИКОВ/

Илл. За-б. Развернутое обращение Института востоковедения в Президиум АН СССР по тому же вопросу от 18.02.1947 г. (копия)

18 ИЮН 1947
14/III. 1947.
13

БҮГД НАЙРАМДАХ
МОНГОЛ АРД УЛСЫН
ЧОЙБАЛСАНГИИН НЭРЭМЖИТ
ИХ СУРГУУЛЬ

Улаанбаатар хот.

Тел. 12-49, 11-17. АТС—1-60.

Монгольский
Государственный
Университет
имени Чойбалсана

Mongolian
State
University named after
Choibalsang

Институту Востоковедения

АКАДЕМИИ НАУК СССР

Копия Президиуму Академии наук СССР

В ответ на Ваше письмо Монгольский Государственный Университет им. Чойбалсана приветствует Ваш почин по организации музея истории религии и быта монголов и считает этот вопрос весьма важным для монголоведения.

Проблемы дальнейшей научной работы в области истории монгольского языка и литературы требуют об'единенного центра, где общими силами могла бы быть развернута исследовательская работа по монголоведению.

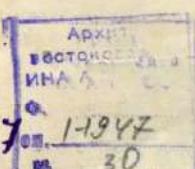
Университет считает, что музей истории религии и быта монголов при институте Востоковедения будет фундаментом для развертывания исследовательских работ по монголоведению и он будет об'единять разрозненные ныне силы монголоведов.

Если будет организован музей истории религии и быта, то Университет примет участие в пополнении фондов музея.

Было бы желательно иметь от Вас информацию об организации музея.

РЕКТОР МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. ЧОЙБАЛСАНА:

Ширендыб /Ширендыб/.

Илл. 4. Обращение в Президиум АН СССР ректора Монгольского государственного университета им. Чойбалсана Б. Ширендыба от 14.07.1947 г. с поддержкой инициативы ИВ АН СССР

ан VIII-47
к сдаче
григорьев
Григорьев

74

14

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Москва, Б. Калужская, 14.

Телеграф: В 2-00-00

Секретариат: В 1-79-83

28 июля 1947 г.

№ 1-125

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

Академику В. В. СТРУВЕ.

Президиум Академии Наук СССР получил копию письма ректора Монгольского государственного университета им. Чойбалсана г. Ширендыба, в котором г. Ширендыб, отвечая на Ваше письмо, приветствует организацию специального Музея истории религии и быта монголов.

Президиум АН СССР считает Ваше письменное обращение по этому вопросу к зарубежным научным организациям нецелесообразным, поскольку вопрос об организации Музея не был еще принципиально решен Президиумом.

В настоящее время, как Вам известно, Президиум АН СССР не считает целесообразным организацию нового Музея истории религии в Ленинграде.

Таким образом, Ваше преждевременное обращение к зарубежным научным организациям по неразрешенному Президиумом вопросу поставило Академию Наук СССР в весьма затруднительное положение перед научными организациями МНР.

Архив
востоковедов
ИНА АН СССР
Ф. 1-1947
вз. 31

15

Президиум Академии Наук СССР просит Вас в дальнейшем по вопросам, требующим предварительного рассмотрения в Президиуме АН СССР и утверждения Советом Министров СССР или вызывающим известные обязательства со стороны Академии Наук СССР, при установлении связи с зарубежными учреждениями и организациями предварительно запрашивать мнение Президиума Академии Наук СССР.

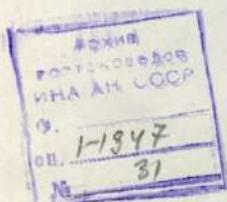
Вице-президент
Академии Наук СССР
академик

(И.П. Бардин)

И.о. академика-секретаря
Академии Наук СССР
академик

(В.П. Никитин)

4.

Илл. 5а-б. Письмо Президиума АН СССР академику В.В. Струве от 28.07.1947 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ
ПРИ ИНСТИТУТЕ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 923: Ученый совет. Переписка с Президиумом АН СССР, Государственным университетом МНР и др. учреждениями о передаче ИВАН здания б. Буддийского храма и организации в нем музея истории религии и быта монголов.

Фонд 152, опись 1а, ед. хр. 1578, л. 31–34: Административно-хозяйственная часть. Акт на передачу документации здания б. Буддийского храма.

Библиография:

Автономов 1926 – Автономов Н.П. Общество Русских Ориенталистов (Исторический очерк) // Вестник Азии. Известия Общества Ориенталистов. № 53. Г. изд. XIV. Вып. 1925 г. Харбин: Типография Я. Эленберга, 1926. С. 413–448.

Андреев 2012 – Андреев А.[И.] Санкт-Петербургский дацан Гунзэчойнэй. Приморский пр., 91. СПб.: Нестор–История, 2012.

Бельчич 2004 – Бельчич Ю.В. Невозврашенец Э.Э. Анерт (По материалам личного архива ученого в Российском государственном архиве экономики) // Зарубежная Россия. 1917–1945. Кн. 3. СПб.: Издательство «Лики России», 2004. С. 173–179.

Веревкин 1909 – Веревкин И.[Н.] Краткий очерк возникновения и деятельности Общества Русских Ориенталистов // Вестник Азии. Журнал Общества русских ориенталистов. № 1, июль 1909. Харбин: Русско-Китайско-Монгольская типография газеты «Юань-дун-бао», 1909. С. 272–280.

Весь Петербург, 1911 – Весь Петербург на 1911 г. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. 18-й год издания. [СПб.]: Издание А.С. Суворина, [1910].

Весь Петербург, 1911, Прибавл. – Весь Петербург на 1911 г. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [Январское] Прибавление. [СПб.]: Издание А.С. Суворина, [1911].

Весь Петроград, 1915 – Весь Петроград на 1915 г. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 22-й г. изд. / Под ред. А.П. Шашковского. [Пг.]: Издание Т-ва А.С. Суворина – «Новое время», [1914].

Весь Петроград, 1916 – Весь Петроград на 1916 г. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 23-й г. изд. / Под ред. А.П. Шашковского. [Пг.]: Издание Т-ва А.С. Суворина –

«Новое время», [1915].

Дмитриев 2012 – Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов Зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012.

Дубаев 2001 – Дубаев М.Л. Харбинская тайна Рериха. Н.К. Рерих и русская эмиграция на Востоке. М.: Издательство Духовной Литературы; Издательство «Сфера», 2001.

Дьяконов 1995 – Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга; «Европейский Дом»; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1995 (Серия «Дневники и воспоминания петербургских ученых»).

Ерёмина, Смирнов 2013 – Ерёмина О.А., Смирнов Н.Н. Иван Ефремов. М.: «Молодая гвардия», 2013 (Серия биографий «Жизнь замечательных людей». Вып. 1640 (1440)).

Ефремов 1993, 4 – Ефремов И.[А.] Собрание сочинений в 6-и тт. Т. 4: Лезвие бритвы. Роман приключений. М.: «Современный писатель», 1993.

Жуковский 1915 – Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915 (Труды Общества русских ориенталистов, № 2).

Заболоцкий, Ремизовский 1995 – Библиография научных работ геолога Эдуарда Эдуардовича Анерта / Сост. Е.М. Заболоцкий и В.И. Ремизовский // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 2. Южно-Сахалинск, 1995. С. 176–184.

Мельников, Решетов 2004 – Мельников В.Л., Решетов А.М.. Биолог из семьи Рерихов: Владимир Константинович Рерих (1882–1951) // Зарубежная Россия. 1917–1945. Кн. 3. СПб.: Издательство «Лики России», 2004. С. 180–188.

Новиков 1909 – Новиков Н./К. Задачи Общества Русских Ориенталистов в связи с общественно-политическим состоянием Дальнего Востока // Вестник Азии. Журнал Общества русских ориенталистов. № 1, июль 1909. Харбин: Русско-Китайско-Монгольская типография газеты «Юань-дун-бао», 1909. С. 1–19.

Отчет ОРО, 1910 – Отчет о деятельности Общества Русских Ориенталистов в С.-Петербурге за 1910 год. Составлен по 1 декабря 1910 года. СПб.: Типо-Литография Н.И. Евстифеева, 1911.

Отчет ОРО, 1911 – Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Милитцы Николаевны

Общества Русских Ориенталистов за 1911 год. Составлен по 31 декабря 1911 года. СПб.: Типо-Литография Н.И. Евстифеева, 1912.

Отчет ОРО, 1912 – Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Николаевны Общества Русских Ориенталистов за 1912 год. Составлен по 31 декабря 1912 года. СПб.: Типо-Литография Н.И. Евстифеева, 1913.

Ревич 1998 – Ревич Вс. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

Ремизовский 1995 – Ремизовский В.И. Геолог и горный инженер Эдуард Эдуардович Анерт // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 2. Южно-Сахалинск, 1995. С. 156–17

Примечания

---

[1] Весь Петроград, 1916. Отдел II. Промышленные и торговые предприятия города Петрограда (рубрика «Конторы»), с. 1249, стлб. 1: «“Денисов А.К. (Уральский) и К°” (горнопромышл. агент. урал. драгоцен. камни). Морская 27. Т. 5934. Влад[елец]: Денисов (Уральский) Ал-ей Куз. и Денисова Алдра Ник.». См. о нем почти ту же информацию в рубрике «Ювелиры» (Там же, с. 1478, стлб. 4) вместе с рекламой на русском и французском языках (Там же, с. 1479, стлб. 1).

Жил же А.К. Денисов-Уральский неподалеку, по адресу: ул. Гоголя, д. 19 (Весь Петроград, 1916. Алфавитный указатель жителей города Петрограда..., с. 204, стлб. 1).

Сейчас обеим этим улицам возвращены их первоначальные названия: Большая Морская и Малая Морская. В советский период первая из них носила имя Герцена.

[2] Сейчас бывшая Троицкая улица, сохранившая прежнюю нумерацию домов, носит имя композитора Антона Рубинштейна.

[3] Именно поэтому в адресной книге владельцы этого дома не названы, упомянут лишь его управляющий – «Дурнякин Ив. Як.» (Весь Петроград, 1916. Отдел IV. Алфавитный список улиц города Петрограда и его пригородов, стлб. 403).

[4] Во владении самого А.Х. Ефремова в С.-Петербурге находились четыре дома: ул. Бассейная (ныне – Некрасова), д. 7; ул. Гончарная, д. 22; ул. Лиговская (ныне – Лиговский пр.), д. 277б; Невский пр., д. 107 (Весь Петроград, 1916. Отдел IV. Алфавитный список улиц города Петрограда и его пригородов, стлб. 5, 78, 184, 258). Интересно, что в этом справочнике он всегда именуется «Антип», а не «Антон». Так что с переменой имени якобы на «более модное», на которое отец Ивана Ефремова пошел вскоре после рождения первенца, много неясного. Если оно было связано «с его вхождением в деловые круги Петербурга» (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 14, примеч. **), то почему в адресной книге, предназначеннной, в первую очередь, для деловых людей, он в 1916 г. фигурирует под старым именем, от которого должен был отказаться, как минимум, шесть лет назад?

[5] О его жизни и творчестве см.: Бельчич 2004; Дмитриев 2012, с. 478–481; Ремизовский 1995; Заболоцкий, Ремизовский 1995.

[6] Ср. Бельчич 2004, с. 177: «большой медалью им. М.Н. (sic! – С.Ф.) Пржевальского», – что

несколько

неточно.

[7] Названы так по одному из предместий Харбина. Зачастую неточно именуются «Кусяньюнскими» (Бельчич 2004, с. 176; Дмитриев 2012, с. 480).

[8] Машинописный оригинал этого заявления из собрания РГАЭ впервые опубликован в: Бельчич 2004, вклейка между с. 224 и с. 225.

[9] См. об этом: Дмитриев 2012, с. 480–481.

[10] Подробнее об истории Общества русских ориенталистов в Харбине и стоявших перед ним задачах см.: Веревкин 1909; Новиков 1909; Отчет ОРО, 1910, с. 3; Автономов 1926.

[11] С.В. Жуковский оставил заметный след в истории отечественного востоковедения своей фундаментальной монографией об отношениях России с Хивой и Бухарой, изданной в Трудах Общества русских ориенталистов (Жуковский 1915).

[12] Ср. Веревкин 1909, с. 278–280; Отчет ОРО, 1911, с. 60–75; Отчет ОРО, 1912, с. 27–35, 37–38; Автономов, 1926, с. 444–446.

[13] Участники заседания поименно перечислены в: Мельников, Решетов 2004, с. 186. Ср. Отчет ОРО, 1911, с. 70, 74, 75; Автономов 1926, с. 444–445.

[14] ХСМЛ (YMCA) – основанная в 1844 г. Георгом Вильямсоном «межконфессиональная всемирная организация с центром в США», конечной целью которой «является идея всемирного христианского объединения людей путем бескорыстного и всестороннего служения человечеству на почве развития религиозной веротерпимости» (Дубаев 2001, с. 95). О деятельности ХСМЛ в Харбине и связи с ней Н.К. Рериха см.: Дубаев 2001, с. 92–117.

[15] «Последний коммунист» – так называется в этой книге глава, посвященная литературному творчеству И.А. Ефремова (Ревич 1998, с. 161–187).

[16] См. раздел «Антropология ефремовского космизма» в главе 9-й и особенно Приложение «Иван Ефремов и Живая Этика. Текстологические параллели» (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 603–627, 645–669). Почти дословное совпадение молитвы Шамбале и клятвы, которую приносят молодые люди при вступлении во взрослуую жизнь в отстоящем от нас на два тысячелетия будущем, описанном в «Туманности Андромеды», позволяет развеять всякие сомнения о том, был ли Иван Антонович приверженцем перихианства (Ерёмина, Смирнов 2013, с. 664).

Не следует забывать и о том, что супруги Рерихи подчас использовали фразеологию, сходную с коммунистической. См., например, заголовок статьи в одной из харбинских газет, отчетливо различимый на переднем форзаце монографии «Харбинская тайна Рериха» (Дубаев 2001): «Зовущий человечество к светлому будущему. Беседа “Зари” с академиком Н.К. Рерихом».

[17] История этого культового сооружения детально, хотя, как будет показано ниже, и с некоторыми неточностями, изложена в: Андреев 2012.

[18] Странным выглядит упоминание в этой связи еще одного академика – Ивана Ивановича Мещанинова (1883–1967), выдающегося лингвиста, ученика и последователя Н.Я. Марра (Андреев 2012, с. 42). В документах из Архива востоковедов не обнаружено ни одной ссылки на него в связи с вопросом о передачи буддийского храма Институту востоковедения. Более того, И.И. Мещанинов являлся в те годы академиком-секретарем Отделения литературы и языка, тогда как ИВ АН СССР относился к Отделению истории и философии Академии наук.

[19] Речь шла о 1960 г., когда И.М. Дьяконову, назначенному годом раньше секретарем XXV Международного конгресса востоковедов, который предстояло провести в Москве, удалось добиться от В.В. Струве согласия на защиту своей давно подготовленной докторской благодаря вмешательству советского партийного деятеля, тогдашнего директора ИВ АН

СССР Б.Г. Гафурова (1908–1977).

[20] Так в 1960–1970 гг. назывался Институт востоковедения, который с 1950 г. переехал в Москву, оставив в Ленинграде лишь сектор рукописей, на базе которого в 1956 г. было создано его Ленинградское отделение.

Береснева О.Н

Санкт-Петербург

Уранополис античного Причерноморья

Тема классической древности – одна из тем, которая явно или завуалировано проходит через многие произведения И.А.Ефремова. Конструируя различные типы общественного устройства, писатель исследует характер и формы воздействия общества на физически и духовно здоровую, часто творчески одаренную личность. При этом, будучи еще и ученым, И.Ефремов использует огромный объем изученной и творчески переработанной информации, полученной из различных источников античности (археологических материалов, литературы, философских трактатов). В этом отношении творчество И.Ефремова представляет собой более научный уровень освоения прошлого, чем уровень восприятия и литературной обработки только платоновских мифов в многочисленных исследованиях современных атлантологов и авторов фантастических произведений о легендарной Атлантиде.

В «Часе быка» писатель представляет нам версию платоновского «идеального» государства. А печальный финал романа «Таис Афинская» скрашивается кратким описанием последнего прибежища его героини в экспериментальном городе-государстве Уранополисе, недолгое время реально существовавшем в первые годы эллинизма. Античный Уранополис был основан в 315 г. до н.э. (в период после смерти Александра Македонского) братом царя Кассандра философом Алексархом на развалинах более древнего города Сани на полуострове Афон. Упоминание о нем встречается в «Географии» Страбона.